

«Веселая гармонь»

Рассказ

Услышав о выходке дочери, Улита спешно зашагала по заметенной снегом улочке. Слой зимней пудры окрасил в белый цвет ее ватный тулуп и серый пуховый платок.

А дочь ее, семилетняя Иринка, заходить во двор не торопилась. Из-за снегопада школьный автобус не приехал, и после уроков дети всей гурьбой разбрелись по домам, играя в снежки и радуясь приходу настоящей зимы. Белая крупа вкусно хрустела под детскими калошами. Отделившись от ребят, Иринка повернула к своему двору, но идти в дом не хотелось. Легкие снежинки плавно кружились под полуденным солнцем и мягко опускались на ресницы. Иринка зачерпнула горсть снежной каши и захватила губами порцию мороженой смеси. Снег охлаждал зубы, напоминая молочный коктейль с раздробленным льдом, который мать купила ей однажды, когда они ездили в город продавать на базаре цыплят. Иринка опустила на корточки, сняла мокрые рукавицы, и вмяла голую пятерню в белую гладь. Припечатав рядом другую ладонь, девочка ахнула:

- Будто ёлочка!

От усердия она высунула язык – так забавно было ползти на четвереньках, вдавливая в снежную корку растопыренные ладони. Поднявшись, Иринка деловито обмерила взглядом свои старания и, запыхавшаяся и довольная, залюбовалась печатной елкой, которая получилась длиннее ее деревянного забора.

- Смотрите! – радостно крикнула она скоро приближающейся матери.

Но беспорядочные удары обрушились на голову, затылок и лицо Иринки. Неожиданно и непонятно, а оттого вдвойне больнее.

- Ах, ты, тварюка бессовестная! – негодовала мать. – Стыдобысько ходячее!

Она яростно трясла Иринку, и с детской фуфайки спрыгивали рваные лохмотья снега.

Оказалось, что по дороге из колхоза Улита остановилась у магазина, где собралось полсела - обещали завезти ситро к Николаеву дню. Соседка Варька – баба насмешливая и ехидная – намеренно громко посочувствовала Улите:

- Там девка твоя на карачках лазит и снег жуёт. Телогрейка задралась и срака нараспашку.

Бабы улыбнулись, а Улита вспыхнула от злой досады на дочь. Багрово насупившись, она выпалила наглой Варьке:

- А ты по воду ко мне больше не лазь. Свой колодец рой.

И, принимая в спину бойкие Варькины ответы, Улита поспешила наказать дочку. Затолкав Иринку в хату, она снова замахнулась на нее:

- Ты чего меня позоришь? Чтоб люди смеялись?

Больше всего Улита опасалась людского суда, особенно справедливого. И огород общипывала до последнего сорняка не из врожденной аккуратности, а чтобы не ославили лентяйкой. Но муравьи горстями копошились в углах избы, а небрежно мытая посуда оставляла жирные следы на пальцах. В том, к чему не мог дотянуться посторонний глаз, Улита не проявляла усердия – важно было лишь то, что скажут люди.

- Варька уже копает! – спохватывалась Улита в первых числах августа, хватаясь за вилы. - Гаврило, неси ведра.

- Уля, ты ж говорила, нехай картошка до Спаса стоит, – робко возражал муж.

Чтобы не отставать от соседей в сборе урожая, Улита не уходила с огорода до позднего вечера. Гаврило оставался при ней, а дочка послушно освещала фонариком нарытые кучи земли.

Податливая Иринка матери не перечила, но полностью угодить ей была не в силах – своей худосочностью дочь вызывала недовольство у полнокровной Улиты. Девочка угрюмо молчала, когда мать указывала ей на дюжую Мотьку с соседней улочки: вон, какая справная спина и ладные икры.

- Не получилась у нас девка... – обреченно вздыхала Улита, глядя на голенастую дочку. - А я гарная. Да, Гаврилко?

- Так, Уляша, ты славная, - не решался вступить за девочку отец.

Гаврило горячо любил и жалел Иринку. Дочка знала это и прощала его невмешательство. Он уступал Улите не только из нежной привязанности к жене. Отцовская вялость оправдывалась еще и потерянными на войне здоровьем. Улита берегла мужа и работала наравне с ним. Перед сном она тёрла спиртовым настоем его надорванную в немецком лагере спину и ставила компресс из одуванчиков на ноющее от фронтового ранения колено.

А дочке с малых лет доставались от матери потоки беспорядочных наказаний вперемежку с приступами непомерной опеки. Улита поедом ела Иринку, но стоило ей потерять ребенка из виду, как она с остывающим сердцем заглядывала в колодец или спешила к оврагу за огородом, и ноги ее подкашивались от предполагаемого несчастья.

От неустойчивого нрава матери Иринка спряталась в подросшую школьную жизнь. Её деревенский класс оказался дружным: девочки – простые, а ребята – беззлобные. В школе было интересно еще и тем, что молодая пионервожатая привлекала детей к самодеятельности. Иринка, с ее наивной непосредственностью, с радостной благодарностью хваталась за возможности поучаствовать в незатейливых любительских номерах. Ее доверчивая преданность и горячая вера в значительность действия на сцене была оценена пионервожатой, и к четырнадцати годам Иринка стала незаменимой участницей всех торжественных мероприятий. Благодаря такой активности в четырнадцать лет у нее появился шанс быть принятой в комсомол в первом заходе. Иринка торопила в мечтах важное событие. Когда до нее дошла очередь доказать готовность носить почетное звание комсомолки, ответы отскакивали у Ирины от зубов.

- Сколько стоит устав комсомола? – прозвучал завальный вопрос.
- Пять копеек, - бодро отвечала Иринка.
- Неправильно. Устав комсомола бесценен.

Но рассказанное на память определение демократического централизма доказало серьезность её стремлений вступить в коммунистический союз молодежи.

На торжественном принятии Ирина гордо выпятила грудь под значок. Проснувшись ночью, она с трепетом потянулась к стулу, на спинке которого висел школьный пиджак. Нашупав комсомольский значок, счастливо улыбнулась: наконец-то.

А на следующий день Иринка узнала, что с осени ей придется начинать новую жизнь - матерью завладела неотступная мысль переехать из села в поселок.

- Хату жалко бросать, - горевал отец.

Но если какая-то затея приходила в Улитину голову, никто уже не в силах был совладать с нею. Не шли в расчет ни неизбежные трудности, ни даже вероятность несчастья – желаемое рисовалось Улите радужными красками, общими мазками, проще говоря, ляпами. Целеустремленность её росла в соответствии с безрассудностью задуманного предприятия.

В августе она нашла в поселке работу дворника, а Гаврило устроился маляром. Коммунальное хозяйство выделило им временное жилье на четвертом этаже трехэтажного дома – другими словами, на чердаке.

- Перебьемся пока, - не унывала Улита, - а там, бог даст, квартиру получим.

Представ первого сентября перед новым, девятым классом, Ирина увидела Олега и вздохнула свободней: хоть кто-то знакомый, уже не так боязно. Иринка помнила Олега с прошлого года. Школьная пионервожатая подготовила тогда концерт к весеннему празднику, а Иринка с одноклассницами исполняла народный танец. После выступлений начались танцы. Было и несколько незнакомых ребят, которые от скуки приехали в клуб из поселка. Один из них пристально рассматривал Иринку.

- Ты красивая, - подошел он к ней, - не хочешь выйти покурить?

Она постеснялась сказать парню, что не курит. Оказавшись с ним на пороге клуба, Иринка различила в вечернем полумраке силуэт матери. Улита решительно шагала, держа в руках лозину, которую выломала по дороге, чтобы отлупить дочку за гулянье дотемна. Сейчас будет, подумала Иринка и поспешила ей навстречу, боясь даже оглянуться в сторону Олега и радуясь, что мать не успела увидеть ее рядом с городским хлопцем, курящим папиросу.

Олег приветствовал Иринку в новой школе холодно - наверное, обиделся тогда, что убежала. Но следил за ней взглядом на уроках и переменах. Это заметили одноклассники и тоже заинтересовались девушкой. Все это увидели одноклассницы и возненавидели новенькую. Мальчики пропускали Иринку в дверях, девочки намеренно не замечали, а Олег

раздумывал, как с ней сойтись, не опускаясь до открытых ухаживаний за деревенщиной.

Олег неприятно настораживал Иринку. Он был груб, шутил зло, учителям и школьникам давал жестокие прозвища, а однажды на ее глазах без причины пнул бездомного кота. Одноклассницы подмасливались к нему, опасаясь его колючих насмешек, а ребята избегали с ним ссор – Олег был самым наглым в классе.

Как-то, замешкавшись после урока труда, который проходил в дальнем здании, Иринка вышла на улицу позже всех одноклассниц. Она направилась во двор школы через хозяйственную постройку.

- Не торопись, - вдруг услышала она.

Иринка растерялась, увидев Олега перед собой, и оглянулась по сторонам: рядом никого не было.

Взяв ее за локоть, Олег приближался все теснее. Иринка отступала, пока не уперлась спиной в стену постройки.

- Ты мне нравишься, - произнес он настойчиво.

Иринка попробовала вынырнуть из-под его напора, но парень приблизился к ней вплотную.

- Куколка, - шепнул он, захватив ее голову в свои руки.

Его рот неожиданно и бессовестно впился ей в губы. Возмущение и справедливое негодование ударило Иринке в виски. Не успев осознать, что происходит, она вырвалась и дала Олегу оплеуху с бесстрашием, которое сопутствует первому порыву.

Увидев звериный блеск в его глазах, Иринка поняла, что может получить жестокий удар в ответ, и бросилась бежать.

- Ну, скотина, берегись! – угрожающе произнес Олег, но она его уже не слышала.

Вернувшись домой, Иринка не могла прийти в себя. Обида и оскорбленная честь смешивались в ней с незнакомым ранее чувством, которое ускользало от понимания. Она бесполезно пыталась уловить уплывающий смысл нового ощущения. Весь вечер Иринка провела в смущенной растерянности, в ноющей тоске по чему-то неизведанному, и долго не могла уснуть. Она закрывала глаза и видела перед собой лицо Олега, который тянулся к ней. Дрожа от незнакомомго томления, она открывала ему, воображаемому, губы навстречу. Тело ее обмирало от томительного желания опять почувствовать его рядом. Она вспоминала, как часто Олег был находчив в общении с одноклассниками, его наглость казалась ей теперь прямотушием и грубость – силою. А ночью она увидела такой смелый и неприличный сон, что проснулась горячая и пристыженная. Иринка вдруг поняла, что любит Олега, что и он, конечно же, тоже любит ее и остается просто подождать, пока они закончат школу. И тогда они поженятся.

Утром, едва она зашла в класс, ребята приветствовали её по-новому:

- Деревня!

- Как тебе живется на крыше? – дергал Иринку один.
- С чердака удобней взлетать на метле, - ржал второй.
- Вы там и корову держите?
- А ты сомневался? От нее же селом воняет за километр.

Одноклассницы тоже разгулялись – они уже не ехидничали за спиной, а, поощряемые Олегом, смеялись Иринке в лицо, не упустив ни единой возможности потешиться над нею.

Ирина горько страдала и, чтобы скрыть боль и обиду, вела себя угрюмо даже с теми, кто не относился к ней презрительно. Внутренние рыдания отравляли кровь, но даже дома нельзя было дать им волю – в их тесном жилище не нашлось бы уголка, укрытого от любопытных глаз матери.

А через месяц в ее жизни случилась страшная трагедия. Как-то на перемене мальчишки бросались тряпкой, которую Иринке, дежурной по классу, нужно было успеть помыть, чтобы протереть доску до начала урока.

- Отдайте! – просила и требовала она, бегая, словно собачка, между учениками.

Один из них сжалился: «Ладно, лови!», и Иринка, заведенная и красная от беспомощной досады, почти благодарно подалась в его сторону, а он запустил грязной тряпкой ей в лицо. От неожиданной обиды и общего смеха у нее чуть не брызнули слезы. Иринка не стерпела оскорбления и швырнула в обидчика тряпкой, которая полетела выше, прямоком в портрет Ленина на стене. Одноклассницы обернулись на дверь и замерли, а ребята, которые носились между партами, остановились, где были – на пороге стояла директриса.

- Тряпкой?! – задрожал ее стальной голос. - В портрет великого вождя?

Класс ожидал приговора.

- За такое в лагерь отправляли! – прогремела директриса.

Она продолжала гневную речь, и постепенно сочувственный интерес, направленный на Иринку, сползал с лиц одноклассников, и их выражение становилось отстраненным, презрительным, обвиняющим. Каждый из них втайне ликовал, что в отличие от нее, не был пойман и, значит, не был виновен.

На большой перемене в актовом зале собрали школьную линейку.

- Сегодня произошло ЧеПэ, - объявила директриса и указала на побледневшую Ирину, которая стояла перед учащимися всей школы. - В то время как граждане советской страны строят светлое будущее, кто-то оскверняет портрет вождя мирового пролетариата. Такие индивидуумы должны быть исключены из комсомольской организации!

Директриса повернулась к Ире и со строгой торжественностью сняла с недостойной груди комсомольский значок.

Слезы застилали глаза, и весь последний урок Ира сидела за партой как оглушенная, ничего не видя перед собой. После занятий она узнала, что под школой ее ждали третьеклашки, которые сговорилась гуртом побить Ирину за дедушку Ленина. Она попробовала было попроситься пойти домой вместе

с одноклассницами, но те переглянулись и сказали, что им сегодня в другую сторону.

Ирина вышла на улицу. Шестеро мальчишек следовали за нею. «Здесь они меня не тронут», - утешалась она, пока шла по обочине дороги. До поворота оставалось немного, и Ирина замедлила шаг, надеясь на неведомое спасение. Перед тем как завернуть в улочку и пройти мимо заброшенного дома, она подумала, что лучше бы возвратиться и позвать на помощь старших. Но показать, что она испугалась мелюзгу, было стыдно. Ирина свернула в поворот и через несколько шагов вскрикнула от удара камня в спину.

Когда мальчишки повалили Иру на землю, то потащили её в заброшенное здание. Там октябрята решили пытаться и судить врага.

- Эй, вы чего делаете? – услышала Ира.

Недаром она чувствовала, что все обойдется, просто была уверена, облегченно подумала она. Олег и его товарищ из старшего класса разогнали мальчишек. «Мой спаситель», - пронеслось в ее голове. Ирине хотелось упасть на его грудь и разрыдаться от бесконечных унижений, от нерастроченной нежности, хотелось горячо благодарить Олега за то, что защитил её перед этими маленькими живодерами. Но она жалко улыбалась, отряхивалась и поправляла школьную сумку, которая висела на её плече.

- Спасибо, что выручили, - сказала она еще раз и повернулась, чтобы идти.

- Ты куда собралась? – преградил ей путь Олег.

Дальше все было как в тумане: полуразрушенный потолок заброшенного дома, липкие руки, мнущие и беспощадные, тяжелая, разрывающая боль.

Перед тем, как уступить место товарищу, Олег обтерся краем Ириной юбки. Он встал и, застегивая брюки, перевел взгляд от безвольно растопыренных ног Иринки на ее лицо. Она лежала с открытым ртом и закрытыми глазами. Олег ткнул ее в бок носком ботинка. Ирина не шевелилась.

- Эй, ты чего? – струсил он.

Наклонившись, он бесполезно потряс её плечо.

- Разделался? – подскочил товарищ. - Теперь ты ставай на шухер.

- Валим скорей отсюда! – запаниковал Олег и оба они скрылись.

Ирина очнулась с тяжестью в голове и тупой болью в теле, ощущая непонятное желание умереть. А когда в памяти встали последние минуты перед обмороком, она поняла, что уже мертва. Куда девать теперь восторженные мечты о муже, который, единственный и долгожданный, раскроет тайну ее чистоты?

Придя к реке, Ирина остановилась и впилась глазами в темную глубь. Она надеялась, что ноябрьская вода достаточно холодная, чтобы сразу окоченеть. Невдалеке виднелся песчаный пляж. В августе, когда они переехали в поселок, Ирина ходила туда купаться. Один из незнакомых ребят подплыл к ней однажды и коснулся под водой её живота, попробовав

скользнуть ниже. Ирина успела оттолкнуть его, а прибежав домой, долго и безутешно рыдала, ощущая себя безнадежно униженной. «Облапили», - с острым отчаянием шептала она тогда.

Кривая Ива мирно шелестела листвой над обрывом, отражаясь зелеными косами в зеркале реки. Ирина подумала о веревке и обнаружила у себя на плече школьную сумку с книжками. Даже пережив такое, лишившись самого дорогого, она неосознанно берегла учебники и тетрадки, которые уже не понадобятся. Для верности она повесила сумку на шею. Ветки царапали лицо, когда Ирина взбиралась по склоненному к воде дереву, чтобы покончить с жизнью навсегда.

Желание выжить победило. Отчаянный страх смерти вытолкнул Ирину из холодной воды. В больнице Улиту успокаивали, что воспаление легких скоро пройдет.

Искаженные обрывки слухов коснулись ушей Улиты.

- Как выйдет из больницы, прибью ее сразу, - сказала она мужу. - С хлопцами с таких лет водиться!

Гаврило, всегда такой податливый, вдруг потемнел.

- Никого ты не прибьешь. И пальцем дытыну больше не тронешь.

Семья вернулась в деревню, как только дочь выздоровела. Ирина никому не рассказала о том, что с ней произошло. Постепенно отвращение к себе и чувство жестокой несправедливости ослабло. Стало казаться, что ей приснился кошмар или в голову лезет случайно услышанная старая сплетня или эпизод из забытого кинофильма. Но когда Ирина смотрела на добрые лица одноклассниц, смеялась их наивным шуткам, то внутри нее часто звучал отрезвляющий шепот: «Как не стыдно тебе, потаскухе, смотреть им в глаза? Знали бы твои невинные подружки, какая ты старуха. Они совсем недавно стали девушками, а ты уже использованная и грязная, как мусорное ведро».

До села слухи не доползли. Отец тоже не узнал всей правды. Но какая-то объединяющая боль протянулась между ними, сблизив отца с дочерью. Он смутно догадывался, что случилось что-то непоправимое, от чего нельзя излечиться. Отец не спрашивал Ирину, опасаясь, что она не захочет жить, обнажив правду, а он лишит жизни тех, кто сотворил эту страшную правду. Догадка, что дочь стала жертвой безнаказанного надругательства, настолько разбередила его душу, что он уже не боялся открыто заступаться за Ирину перед женой.

Узнав, что дочь бежит в сельский клуб учиться играть на гармонии, Улита стала в позу.

- Гаврило, запрети ей заниматься ерундой, - подстрекала она мужа, - нехай не выводит меня из терпения.

Но отец, больной и ослабленный, чувствующий скорое приближение конца, не только не помешал увлечению дочки, а даже подарил ей сто десять рублей на пятнадцатилетие. Он выдержал все цвета недовольства Улиты и не позволил ей отобрать у дочери деньги. Ирина добавила к подарку накопленные за несколько месяцев пятнадцать рублей, и они поехали с отцом в город за гармонию.

Инструмент увлек ее настолько, что мысли о смерти постепенно забылись. Успехи в занятиях вдохновили Ирину после окончания школы поступать в музыкальное училище. Что тут началось!

- Батько твой помер, не дожид до такого позора, - зашла Улита, - что еще за профессия – музыкант? Другое дело: продавец - люди к тебе здороваются, а ты им сахару или муки навесишь и сдачу подаешь. Вон наша Галька продавщица, чем плохо? Сидит себе за прилавком, упитанная, важная, как королева. Ты ей, сколько стоит, когда завезут, а она голову так не спеша повернет, посмотрит мимо тебя, и дальше стенкой любит. Или в конторе сидеть, тоже большое дело: дадут тебе стол, принимай посетителей. Они к тебе с почетом, по имени-отчеству, в очереди спозаранку сидят, а ты им: не те бумажки, не приму, приходите завтра.

Ирина уступила матери - не пошла в музыкальное, а поступила в торговый техникум. В первые два года учебы в городе она пережила непутевые отношения с местным парнем, который испугался ее беременности - больше чем она сама - и перестал ходить к ней в студенческое общежитие. Были тогда растерянные слезы, потом узнала мать, пошли крики, упреки, снова слезы и, наконец, аборт.

На последнем курсе Ирина познакомилась с Валентином, который жил в заводском общежитии напротив. Их тусклые встречи она принимала без трепета и восторга, но и остаться в девках тоже не хотелось.

Валентин не блистал ни внешностью, ни умением ухаживать, ни авторитетом среди знакомых. Он казался закрытым и молчаливым, но, освоившись, говорил много и беспорядочно. Произношение получалось смазанное, как и его неряшливый почерк, ничуть не оформившийся с детских времен, когда он вытерпел достаточно оскорбительной критики от учителей. Валентин навсегда остался уверен, что насмеяться над корявым почерком ребенка – не менее подло со стороны взрослых, чем указывать на его кривые зубы или неуклюжее тело, хотя некоторые опускаются и до такой низости. В юности, оказавшись среди малознакомых людей, Валик замыкался в себе, не мог четко высказать мыслей, которых было множество в его неглупой голове, и даже начинал грубить от досады на свое смущение. Валик понимал: как только он уйдет, о нем будут говорить с презрением и насмешкой. И продолжал сидеть в чужой для себя компании, оттягивая своим присутствием обидное осуждение. Когда он, наконец, вставал, то не видел сожаления на лицах, и тихо уходил, ненавидя остающихся. Ему хотелось заплакать, хотелось попросить, потребовать, чтобы они не судили так строго, чтобы

были мягче и понятливее к недоласканному большому мальчику, выросшему без любви и внимания.

- Не вцепишься в него, - предупреждала Улита дочку, - будешь дурой. Кому ты теперь нужна? Кто на тебя посмотрит? А Валик парень вроде нормальный, не пьет, драться не лезет.

Ирина расписалась с Валиком и поселилась с мужем у матери. В руках у нее был диплом счетовода, но место продавца в их единственном сельском магазине, как и раньше, было занято; только вместо бабы Гальки, которая ушла на пенсию, за прилавок села ее дочь Мотька.

Ирина обратилась в дом культуры.

- Возьмем тебя массовиком-затейником, - сказал заведующий, помня ее зазорное пение на сцене клуба, - образования по специальности у тебя нет, так что пойдешь на минимальную зарплату.

Ирина стала работать в доме культуры, а мать недовольно ворчала, что дочь носится с гармонью на все праздники. От этих нагрузок у Ирины даже случился выкидыш. Сельская больница была как раз на ремонте и Ирину направили в поселок. Там, в женском отделении, она встретила одноклассницу из школы, в которой училась то недолгое время перед своей девической трагедией.

- Помнишь Олега? – спросила бывшая красавица класса, располневшая женщина с немыто торчавшими короткими волосами, выкрашенными в рыжий цвет.

Ирина выдавливала из себя неповоротливые поддакивания. Трудно было делать вид, что ей интересно разговаривать с одной из тех, кто так плохо принял ее когда-то в новой школе. Не хотелось выслушивать, кто из этих людей чего добился, а тем более неприятно было говорить о том человеке, которому она так часто желала зла.

- Ир, помнишь наш пляж в поселке, да? – продолжала женщина. - Через год после выпускного мы отмечали встречу одноклассников. Олега позвали тоже, он ведь переехал, как раз когда ты заболела сильно, кажется. На встрече Олег залез на дерево, там рядом над обрывом ива набекрень, ну, ты вряд ли знаешь. Нырнул с ветки головой вниз и попал на корягу. Лежачий теперь Олег. Пять лет как инвалид.

Известие глубоко потрясло Ирину. Сколько душевных сил бессмысленно отдано пожирающей изнутри жажде мести. Все эти годы она так часто обращала злые, оскорбленные мысли к унизившему ее насильнику – крепкому и здоровому, равнодушному и жестокому, а не беспомощному и искалеченному, каким он, оказывается, был уже давно. Ее раздавила острая жалость к Олегу и, вместе с тем, она испытала смутную растерянность и чувство вины. Ей стало страшно оттого, что своими темными мыслями она навлекла на Олега такую беду.

Может, и жизнь ее сложилась бы иначе, если бы Ирина знала наперед, что ни одно преступление, совершенное против другого человека, не останется безнаказанным. Но за какой проступок платила тогда она потерей

нерожденного ребенка? Не за ненависть ли и веру в несправедливость жизни?

И снова гармонь помогла прийти в себя. С трепетным предвкушением бралась она за любую новую песню. Дрожащими от нетерпения руками принимала Ирина старую нотную тетрадь от такого же старого учителя пения, и выбирала самое трудное произведение. Это было не просто разучивание очередной музыкальной композиции; каждый раз её ожидало новое приключение, полное трудностей, огорчений и неудач. Смело и отчаянно шла она на непокорённую преграду, которая выставляла острые зубы и не давалась слету, как думалось Ирине с первых нот, взятых легко и уверенно. Восставая против хозяйки, гармонь тяжело упиралась и отказывалась продвигаться вперед. На сложных пассажах верная подруга и вовсе превращалась во врага, которого хотелось сбросить на пол и бить ногами. В минуту, когда Ирина, намучившись, готова была признать свое бессилие, она с упрямой безнадежностью выжимала из себя последнюю пробу, чтобы окончательно рассориться со своенравной гармонью. Вдруг инструмент, устав от долгого сопротивления, уступал, сливался с телом и дыханием Ирины, отдаваясь её рукам с томительной нежностью.

Печальные размышления и усердные занятия сделали игру Ирины глубокой и самозабвенной. Однажды, когда она выступала на концерте самодеятельности в районном центре, кадры с её участием попали в программу «Сельский час». Ирина на несколько недель стала местной знаменитостью – ей уделили целых десять секунд крупного плана.

Через время заведующий домом культуры вызвал ее к себе в кабинет.

- Ну, Ирина Гавриловна, - сказал он, - поздравляю. В кино тебя зовут сниматься.

- Ой, - простодушно махнула она рукой, облегченно вздыхая, - я думала, ругать позвали, а вы посмеяться.

- Роль маленькая, - посерьезнел заведующий, - надо сыграть родственницу из деревни. Как раз искали такую, чтоб на гармошке умела. И красота твоя им приглянулась.

Ирина вспыхнула от удовольствия и удивления от слов о красоте. Ведь никогда раньше ее простая наружность не вызывала большого интереса у окружающих. В ее внешности не было ничего броского и вызывающего. Ирина не пыталась выделиться, не подражала городским женщинам, многие из которых носили модные прически и чрезмерно красились, компенсируя тем самым недостаток природной красоты. Она была идеальна, то есть - нормальна. А норма не вызывает восхищенных взглядов, её не замечают. Черты Ирины могли бы привлечь художника, но когда она шла по улице с этим своим ничем не примечательным лицом, с обычной своей фигурой, никто не оборачивался на нее в изумлении. И вдруг – кино!

- Все оформят, не баловство, – подчеркнул заведующий, - завтра дашь ответ.

- Конечно, я согласная.

- Ты поговори с матерью, посоветуйся с мужем.

Переполненная радостным нетерпением, Ирина спешила домой. Она млела, представляя себя в обществе популярных артисток и ослепительных актеров. Столица, в которой она никогда не была, поманила ее ослепительным блеском.

Иринка еле дождалась вечера, чтобы рассказать Валику радостную новость: её покажут по телевизору – не так, как в той передаче про сельскую самодеятельность, а в настоящем кино.

- Решила из меня дурака сделать? – побелел муж в ответ.

- Та то ж всего месяц, - растерялась в оправдании Иринка.

- Тебе с артистами развлекаться, а мне после них огрызки подбирать? – вскипел Валентин.

Ирина загрустила и отошла к окну. Валик в первый и в последний раз рассмотрел в ней другую женщину: притягательную и необыкновенную. Никогда она больше не будет для него такой прекрасной. Каждый следующий год муж станет находить в ней все больше недостатков, которыми попрекнет не раз: рыхлое тело, тесный кругозор, замкнутый на кастрюлях и детских пеленках. Валентин будет ездить без жены в дома отдыха, заявляя ей прямо в лицо, что ему стыдно выходить на люди с такой клушей. Но сейчас Иринка была так красива и недоступна, вернее, грозила стать недоступной, если он позволит ей уехать и узнать цену своей неповторимости. Валика охватила такая зависть и ревность к ее возможному будущему окружению, что он подскочил к жене, готовый яростно вцепиться ей в шею. Но, оглянувшись на незакрытую дверь, он остановился. Слезы уязвленного самолюбия заблестели в его глазах.

- Где топор? – взвизгнул он, срываясь.

Выбегая в сени, Валик наткнулся на Улиту, которая подслушивала за стеной.

- Мама! – зазвенел он, растопырив ноги в растянутых на коленях штанах и почти приседая от злого бессилия. – Дайте топор, я себя зарублю!

- Валичек, ты, главное, не переживай, - засуетилась Улита.

Она схватила прислоненный к рукомойнику веник и, решительно выставив его перед собой, зашагала в спальню молодых: «Щас я ей такого кина устрою!».

Иринка смотрела в свое отражение в зеркале: как она изменилась в этот день, как полюбила себя. Ведь не выбрали же Мотьку с поросычьим лицом, чьи толстые икры все детство нахваливала мать.

Улита ворвалась в комнату. Лицо дочери выражало сосредоточенную задумчивость.

- Ты чего удумала, тварюка неблагодарная? – начала Улита.

Огрызнувшись, Иринка с силой вырвала веник, которым мать махала перед ее лицом.

– Долго будешь над нами издеваться? – громко крикнула Улита, струхнув от неожиданного сопротивления и надеясь на поддержку зятя.

- Без вас разберемся, - процедила Иринка, отплеываясь соринками с прутьев.

Улита завела длинный монолог - специально для вернувшегося Валентина, который сел на стул в углу комнаты, страдальчески опустив голову.

- Паскуда ты бессовестная. Муж шифоньер в дом купил. Не пьяница, не лодырь. Ему квартиру дают в городе, зарплату подняли, а ты что творишь? Кому ты в том телевизоре нужна? Таких курей общипанных еще на кино не снимали! То они чего-то там напутали, точно не тебя звали. Поедешь, только позора наберешься. Вернешься, а ни мужа, ни работы. И меня в могилу загонишь.

Наутро Ирина пошла к заведующему и отказалась от участия в фильме. А вернувшись с работы, не увидела на привычном месте гармонь. Страшная догадка дико пронеслась в голове. Она выбежала за калитку: мать сидела с бабами на лавке у соседнего двора - недаром вышла из дома до прихода дочки. Забыв поздороваться с соседками, вся красная, Ирина выпалила: «Где?».

Лицо матери торопливо заиграло принужденной беспечностью:

- Да сказала Валику с утра, помоги мне гармошку Иркину на базар в город отвезти. Стояла, только место зря занимала.

- Продали, - не то спросила, не то ответила Ира.

К вечеру она слегла. Голова её стала пудовая, неподъемная, тело кипяченное и мокрое. Горячка не проходила, и в воскресенье Валентин приехал из города с новой гармошкой.

Улита бежала к кровати, на которой лежала дочь.

- Распустила сопли раньше времени, - приговаривала мать, - играй себе на здоровье, кто не дает.

Ира приподнялась на койке. Валентин подошел к жене и с гордостью вручил ей подарок. На картонной коробке было написано большими печатными буквами: «Детская музыкальная игрушка «Веселая гармонь».

Никогда больше Ира не играла. Когда много позже подвернулась возможность взять недорого тульскую гармонь, и Валентин было расщедрился, она с горьким равнодушием отмахнулась.

Ира давно уже научилась без боли просматривать фотокарточки, где она стоит на сцене с гармонью в руках. Только иногда, бывает, увидит концерт по телевизору, и сожмутся внутренности от старой обиды. Горько станет от сожаления, что это не она исполняет песни под восторг оживленного зала, что судьба прошла мимо, хоть и приближался, близко приближался крутящийся обруч фортуны. Жаль ей, что не сумела она вцепиться в блестящий случай, что не запрыгнула вовремя в манящий вагон, и счастливая электричка поехала со звоном дальше, без неё.

Лишь по ночам жизнь Иринки обретает иной вкус. Ей снятся головокружительные сны, в которых дни ее наполнены яркими событиями. Утром неуловимое очарование длится недолго - приходится открывать глаза.

Цветные краски предрассветного сна тут же растворяются в утренней суматохе. Так в детстве ей снился нарезной магазинный мармелад, обещавший вкусно растаять во рту; ладошка успевала схватить толстый кусок при пробуждении, но реальность встречала ее обидно пустой рукой. А в горле оставалась кислая оскомина, которую не удалось перебить даже во сне. И какая разница, что желаемое находилось так близко, если она не сумела попробовать ни кусочка.